

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№3-2012 г
Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

«Поклон тебе, земля донская!»

Внимание: Ростовское региональное отделение Союза писателей России совместно с министерством культуры Ростовской области при участии Ростовского областного общественного фонда содействия развитию культуры чтения и пропаганды книги и МБУК

«Ростовская-на-Дону городская ЦБС» объявляет областной литературный конкурс, посвящённый 75-летию Ростовской области!

- Поэзия (не более 60 строк 14 кеглем);

- Публицистика (1 цельное произведение – очерк, эссе – не более 10 страниц печатного текста с полуторным интервалом, 14 кеглем).

5. Каждый участник конкурса имеет право принять участие только в одной номинации.

6. Работы принимаются непосредственно от участников конкурса без участия третьих лиц или организаций.

7. Материалы на конкурс предоставляются в электронном виде с дублированием компьютерной распечаткой в 5 экземплярах.

8. Конкурсные работы представляются в Ростовское региональное отделение Союза писателей России заявителями конкурса в приёмные дни: вторник, суббота с 12 до 14 часов или федеральной почтой по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94, или электронной почтой по адресам: donpisatel@yandex.ru или beregovoy@ctsnet.ru с последующим дублированием компьютерными распечатками.

9. Работы, присланные в объёмах сверх предусмотренных требованиями конкурса, не принимаются и не рассматриваются в целом.

10. Жюри конкурса не занимается отбором произведений для конкурса из нескольких работ, присланных автором. Такие работы не принимаются и не рассматриваются в целом.

11. Работы, выполненные на печатной машинке или написанные от руки, не принимаются и не рассматриваются.

12. Материалы, представленные на конкурс, возврату не подлежат.

13. Авторы, не вошедшие в число призеров и лауреатов, извещаются о результатах конкурса через средства массовой информации.

Заявка на участие в конкурсе

К конкурсной работе автор обязан приложить заявку с указанием:

1. Ф.И.О. автора (по паспорту).

2. Литературного или иного псевдонима.

(Окончание настр.б.)

22 марта работники культуры Ростовской области отметили свой профессиональный праздник

Торжества состоялись в Азовском районном доме культуры, куда съехались представители работники культуры со всей Ростовской области.

С приветственным словом к коллегам обратился министр культуры Ростовской области Александр Анатольевич Резванов.

Он подвел итоги работы отрасли в истекшем году, отметил достижения в сфере деятельности министерства. Затем состоялось награждение лучших работников. Под аплодисменты зала награды победителям вручались от министерства культуры, обкома профсоюзов работников культуры, Законодательного собрания Ростовской области.

По завершению официальной части собрания состоялся большой концерт, в котором порадовали зрителей своим мастерством Государственный ансамбль песни и пляски Донских казаков, ансамбль песни и пляски «Надеж-

В номере:

Положение об областном литературном конкурсе, посвящённом 75-летию Ростовской области.
Праздник работников культуры

1 стр.

Антонина Попова
Истоки современной ростовской поэзии.
Экскурс в прошлое – 14
Алина Золотко
Живой пример мужества и героизма. Очерк

2 стр.

Михаил Астапенко
За честь и славу России
Исторический очерк

3 стр.

Владимир Моисеев
Когда потрескивают искры
Стихи

4 стр.

Василий Воронов
Житие Куликова. Эссе

5 стр.

Кнарник Хартавакян
Праздники, которые всегда с нами. Очерк-поздравление

6 стр.

Николай Скрёбов
Судьба и книги. Очерк
Презентации:
О серебряном веке русской литературы.
Четвёртое время поэта

7 стр.

Владимир Панфёров
«Светлые следы» Валерия
Калмацук. Мини-рецензия

8 стр.

да», вокальный коллектив «Благовест» и другие коллективы. Шквалом аплодисментов заканчивался каждый номер концерта.

Хотелось отметить, что впервые за много лет принять участие в праздничных мероприятиях были приглашены писатели РРО СП России Береговой А.Г., Ремесник Ю.П., Студеникина Г.В.

ПОЛОЖЕНИЕ

об областном литературном конкурсе, посвящённом 75-летию Ростовской области

Общие положения

1. Конкурс имеет статус областного и посвящён 75-летию Ростовской области.

2. Организаторами конкурса являются министерство культуры Ростовской области, Ростовское региональное отделение Союза писателей России, Ростовский областной общественный фонд содействия развитию культуры чтения и пропаганды книги, муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ростовская-на-Дону городская централизованная библиотечная система».

2. В число организаторов может войти любая организация или частное лицо, имеющее возможность спонсировать конкурс.

Цели конкурса

Популяризация произведений художественной и публицистической литературы о Ростовской области, об известных людях, прославивших донской край, воспитание патриотических чувств у жителей донской земли, выявление новых литературных имен и поддержка молодых литературных дарований.

Состав оргкомитета конкурса

Дубинина Л.Г., заместитель министра МК РО, – председатель;
Студеникина Г.В., секретарь правления РРО СП России, главный редактор альманаха «Дон и Кубань», – заместитель председателя;
Члены оргкомитета:

Никишов А. А., ведущий специалист отдела искусств и инноваций Министерства культуры Ростовской области;

Симашкова Л.Н., директор Ростовского областного общественного фонда содействия развитию культуры чтения и пропаганды книги;

Бусленко Н. И., член правления РРО СП России, профессор ЮФУ;

Попова А. А., заведующая организационно-методическим отделом ЦГБ им.М.Горького МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС;

Сазонова И. А., член правления РРО СП России, секретарь оргкомитета.

Требования к материалам конкурса

1. На конкурс принимаются литературные произведения на русском языке, связанные с тематикой донского края – Ростовской области.

2. Участниками конкурса могут быть авторы, достигшие 16-летнего возраста, вне зависимости от принадлежности к творческим союзам, литературным объединениям и литературным клубам.

3. Участниками конкурса могут быть коллективы авторов.

4. Конкурс проводится по следующим номинациям:

- Проза (1 цельное произведение малых форм – не более 10 страниц печатного текста с полуторным интервалом, 14 кеглем);

Редакция газеты «Донской писатель» открывает новую рубрику: «К 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года»

Михаил Астапенко ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОССИИ

Донские казаки в Бородинском сражении

Бородино! В русском сердце и русской душе название этого небольшого селения под Москвой является символом непобедимости русского оружия, беспримерного героизма русских солдат, казаков, офицеров и генералов. Здесь Наполеон понял тщетность своих усилий разгромить русскую армию в генеральном сражении, которого он так домогался.

Рейд казаков Платова и кавалерии Уварова в Бородинском сражении.

Донские казачьи полки к началу сражения располагались несколькими группами. Около деревни Утицы, на крайнем левом фланге русской армии, находился мощный отряд донцов из восьми казачьих полков. Ими командовал генерал-майор Аким Карпов. Здесь же располагалась рота донской артиллерии.

Четыре казачьих полка под командованием полковника Власова 3-го находились в наблюдении за противником на нижнем течении Колочи.

Лейб-гвардии казачий полк графа Василия Орлова-Денисова был передан в корпус генерал-лейтенанта Федора Уварова.

Непосредственно под командованием атамана Платова находилось десять казачьих полков, с которыми он занимал позиции на правом фланге русской армии.

Двадцать шестого августа 1812 года, к рассвету, русская армия стала под ружье. Кутузов подъехал к селению Горки, на батарею, где остановился; при нем находилась вся Главная квартира. Солнце величественно поднималось из-под холма, исчезали длинные тени, светлая роса блестела еще на лугах и полях, которые через несколько часов должны были обгариться людской кровью. Давно уже пробили зорю, и русские в нетерпении ожидали начала битвы.

...С рассветом атаман Платов был уже на ногах. В утренней мгле гасли бивуачные костры, суетливо двигались казаки, ржали кони. Над рекой Колочей, клубясь, поднимался туман. Медленно рассеиваясь, он открывал поля с различными пятнами войск, холмы, лесистые берега реки, избы и церковь села Бородина. В уже нарушенную казаками предрассветную тишину ворвался гулкий пушечный выстрел. Затем послышались лихорадочная частая стрельба и шум атаки. «Застонала земля, и пробудились... воины. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское», — вспоминал его участник Федор Глинка.

...Битва началась с нападения дивизии генерала Дельзона на деревню Бородино. Там располагалось правое крыло русской армии, которым командовал Барклай де Толли. Мощной атакой французам удалось вытеснить стоявших там егерей, захватив деревню. Но этот бросок стоил врагу значительных потерь.

Вскоре сражение завязалось и на левом фланге русской армии, где укрепились армия Багратиона. Сюда ринулись корпуса Даву, Мюрата, Нея и Жюно. Русские встретили врага плотным ружейным и артиллерийским огнем. Маршал Даву, контуженный в голову, упал с лошади, его быстро унесли в тыл, атаки продолжались.

Наполеон выдвинул против Багратионовых флешей сто пятьдесят орудий, которые ураганным огнем начали громить русские укрепления. После этого в атаку вновь двинулись корпуса Мюрата, Нея и Даву, смяв дивизии генералов Воронцова и Неверовского. Однако полностью сломить сопротивление русских в этом районе не

удалось: маршалы направили к Наполеону офицеров за подкреплением. Император не только не дал подкреплений, но и выразил недовольство тем, что флешей не взяты до сих пор.

И снова начались ураганные атаки французов, снова закипел смертельный бой. Багратион, улучив момент, бросил свои войска в контратаку, она была отбита, и французы сами пошли на флешей. В этот момент осколок ядра попал Багратиону в ногу, раздробив берцовую кость. Князя сняли с коня и унесли в тыл, а паника стала медленно овладевать войсками его армии, ибо среди солдат пронеслась весть о гибели Багратиона. Левое крыло русских войск было в большой степени сокрушено.

Кутузову, наблюдавшему с возвышенности за ходом сражения, с разных сторон доносили о тяжелых потерях. Были убиты генералы Буксгевден, братья Тучковы, Кутайсов, Горчаков, обе армии понесли значительные потери. После взятия Багратионовых флешей центральным моментом Бородинского сражения стала борьба за батарею Раевского, располагавшуюся в центре русской позиции. Генерал Бонами штурмом овладел батареей Раевского, но был выбит энергичной контратакой русских. Он снова захватил батарею, но генерал Ермолов выбил его, и исколотый штыками храбрый Бонами попал к русским в плен. Наступил критический момент битвы.

Корпус Платова, насчитывавший пять тысяч казаков при двенадцати орудиях донской конной артиллерии, до времени скрывался в лесу. Атаман знал свою задачу в сражении, и она заключалась в том, чтобы по приказу Кутузова нанести неожиданный удар по левому флангу Наполеона. И вот, когда накал битвы достиг апогея, главнокомандующий велел Платову атаковать левый фланг противника. Вскоре с казачьим корпусом соединились двадцать восемь эскадронов регулярной кавалерии генерал-лейтенанта Федора Уварова, и знаменитый рейд начался.

В двенадцать часов донцы во главе с Платовым на лошадях преодолели глубокий овраг, вброд перешли реку с илистым дном, поднялись на холм и лавиной обрушились на позиции французской армии. Здесь как раз располагались экипажи Главной квартиры Наполеона, личное имущество маршалов, их экипажи, канцелярии министров, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни, огромные обозы с разного рода припасами. Удар конницы Платова и кавалерии Уварова привел в неопишемый ужас это разнородное хозяйство Наполеона. Стремительной лавой казаки ударили в пики по находившимся здесь войскам Орнано и Дельзона. У французов появились убитые и раненые, массу солдат донцы захватили в плен.

Наблюдавший эту атаку казаков Федор Глинка писал: «Вся луговая равнина Колочи запылала вдруг донцами. Они начали по-своему давать круги и шеголять разными проделками. Передовые французские пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи! Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжелых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадаках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалали дротиками, как сердитые осы. Это сначала походило на зачью травлю. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удалство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: «Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! Браво, казак! Не жалеи француз!»

На пятнадцатый час Кутузов, довольный рейдом казаков Платова и кавалерии Уварова, приказал им вернуться на исходные позиции. Наполеон потерял более двух часов, которые оперативно и умело использовало русское командование. За это время Кутузов поднял к батарее Раевского сначала 4-й корпус генерал-лейтенанта Остермана-Толстого, потом два гвардейских полка и успел сосредоточить здесь около сотни орудий. Напуганный рейдом казаков и кавалерии Уварова, Наполеон не решился ввести в сражение гвардию. Начальник Главного штаба Великой армии Бертье, другие маршалы и приближенные Наполеона, тихо посоветовавшись между собой, решили «нажать» на императора. Генерал Дарю, один из самых близких Наполеону людей, вежливо, но твердо передал императору, что все считают необходимым бросить в бой старую гвардию. Нахмурившись, Наполеон молча выслушал просьбу. Лицо его выражало досаду, он казался больным и непривычно нерешительным.

Дарю настаивал. Вдруг знакомое всем выра-

жение бешеного гнева и крайнего раздражения залило лицо Наполеона. Голосом тихим, но полный внутренней ярости и тревоги, он сказал: — Если завтра будет сражение, скажите, Дарю, кто будет драться с русскими?! В этой яростной фразе — выражение всех планов, мыслей, чувств и тревог, обуревавших этого человека с первых неудачных атак и достигших апогея после удачной атаки казаков и регулярной русской кавалерии на его левый фланг.

— За восемьсот лье от Парижа не жертвую последним резервом! — раздраженно заключил Наполеон, видя недовольное лицо Дарю. Рейд казаков Платова и кавалерии Уварова был удачным. Это признают все, кто участвовал в Бородинском сражении.

Генерал Ермолов, защищавший батарею Раевского во время этого рейда, свидетельствовал, как они, защитники батареи, ощутили на себе благотворные результаты рейда. «Внезапное их (казачьих — М.А.) появление, — вспоминал Алексей Петрович, — произвело общее в лагере французов движение: стремительно собралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим из нас казалось это время отдохновением».

Многие дореволюционные историки высоко оценили действия казаков Платова и кавалерии Уварова, считая, что если бы не этот маневр, то, как писал известный историк и сам участник Бородинского сражения А.И. Михайловский-Данилевский, «поражение нашей армии было бы весьма вероятно», и что результаты рейда «имели чрезвычайно важное влияние на участь сражения и вполне оправдали ожидания князя Кутузова»².

«Этот маневр Платова решил участь русской армии, — считал участник Бородинской битвы Дмитрий Болговский, — потому что Наполеон, извещенный о происшедшем на его левом фланге, приведенный в сильное раздражение

этой помехой, направил на его поддержку возможно поспешнее колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его остальную часть средств воспользоваться успехами, одержанными его правым флангом»³.

Русская армия в Бородинском сражении развеяла мечты Наполеона о победе в генеральном сражении. Французы вынуждены были отойти на исходные позиции, оставив батарею Раевского, деревню Семеновскую, Утицкий курган. Великая армия потеряла в этой грандиозной битве более пятидесяти тысяч человек, или сорок три процента своего состава. Около шестнадцати тысяч всадников прославленной на всю Европу французской кавалерии навсегда остались лежать на кровавом поле Бородина, что составило больше половины французской армии. Сорок семь генералов Наполеона нашли смерть в огне Бородинского сражения.

Почти сорок четыре тысячи русских солдат и офицеров пали в этом величайшем сражении Отечественной войны. Это было тридцать шесть процентов армии. Когда совершенно смерклось, Наполеон, опасаясь ночной атаки, отступил на исходные позиции. Поле битвы осталось за русскими. Всю ночь казаки Платова тревожили наполеоновскую армию, подъезжая к аванпостам французов. Появление донцов заставляло целые дивизии неприятеля из опасения нападения становиться в ружье. Во время одной из таких тревог гвардия

(Окончание на стр.6)

Донские казаки преследуют французов

этой помехой, направил на его поддержку возможно поспешнее колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его остальную часть средств воспользоваться успехами, одержанными его правым флангом»³.

Русская армия в Бородинском сражении развеяла мечты Наполеона о победе в генеральном сражении. Французы вынуждены были отойти на исходные позиции, оставив батарею Раевского, деревню Семеновскую, Утицкий курган. Великая армия потеряла в этой грандиозной битве более пятидесяти тысяч человек, или сорок три процента своего состава. Около шестнадцати тысяч всадников прославленной на всю Европу французской кавалерии навсегда остались лежать на кровавом поле Бородина, что составило больше половины французской армии. Сорок семь генералов Наполеона нашли смерть в огне Бородинского сражения.

Почти сорок четыре тысячи русских солдат и офицеров пали в этом величайшем сражении Отечественной войны. Это было тридцать шесть процентов армии. Когда совершенно смерклось, Наполеон, опасаясь ночной атаки, отступил на исходные позиции. Поле битвы осталось за русскими. Всю ночь казаки Платова тревожили наполеоновскую армию, подъезжая к аванпостам французов. Появление донцов заставляло целые дивизии неприятеля из опасения нападения становиться в ружье. Во время одной из таких тревог гвардия

Владимир Мусеев**Розы детства**

Помню вечер. Закат.
Словно в розовом сне,
тебе на порог
положил я розы.
И помчался сквозь дождь на коне
вдоль перелесков берёзовых.

А розовый свет был повсюду
разлит.
Он в каждой ложбинке
и в каждом отроге.

На скаку оглянулся —
следы от копыт,
как розы,
на чёрной дороге.

Лесное озеро

Был и хлебом я сыт, и бедою.
Красотой —
никогда не был сыт.
Лепестковой прикрывшись водою,
мягко светит
твой девичий стыд.

Разгулялись лебяжьи всплески
в тишине, что пропахла корой.
И берёзовые перелески,
как притоки
стыдливости той.

Кто ты,
сбросившая наряды?
Лишь мерцает стрекоз слюда.
И языческий свет обряда
плавно кружит
лесная вода...

Ночь

Когда тебя
я целовал в овраге,
прямая негрубо стебли и слова,
вокруг ревниво
дыбились коряги
и дикая щетинилась трава.

Шиповник задевал мою одежду,
он изнемог до черной немоты.
И жалко, сладострастно
и враждебно
смотрели
глухотные цветы.

Как будто здесь
я был врагом заклятым.
И слышалось сквозь шорох
иногда,
как ночь скулила
одинок
в лапы,
когда твоим
я задыхался:
— Да!

Сено

В полушубке дедовском
степенно
сяду в сани и трякну вожжу.
Январём завьюженное сено
для коровы я домой вожу.

Я везу —
промёрзший свет ромашек,
что легли когда-то в жаркий стог,
синий вечер васильков увядших
и девичий,
еле слышный вздох.

Давний август
вспомнился мгновенно:
мягкий шёпот, смех и кружева...
Я вдыхаю жадно запах сена.
Снеговое сено
глажу я.

У сарая, где позёмка вьётся,
я беру охапку на плечо.
сено в темноте

опять смеётся
и в лицо мне дышит
горячо.

Чеканка

Беру металл, чекан калёный,
Всё на свои кладу места.
И молоток мой бьёт поклоны
пожару медного листа.

И вот, —
из глубины,
играя,
уже свою почуяв власть,
восходит
женщина нагая,
от солнца щурясь и смеясь.

Она восходит в блеске
рыжем.
Слова, сравнения —
всё старо.
Она восходит! —
медным брызгам
то грудь подставит, то бедро.

Я угадал по коже гладкой.
Узнал твой солнечный овал.
Лишь у тебя одной
повадка
в судьбу врывается
и в металл.

В этой пьяной стране
всё запутано.
И в спирту бережём мы всерьёз
указующий фаллос Распутина,
и калеченый Ленина мозг.

Питие нам судьбою даровано.
Глянь внимательно —
вот она, Русь,
как живая лежит,
заспиртована.
Заспиртованы
радость и грусть.

Дал клятву до гроба —
тебя любить.
Но нагло,
утробно
в ответ —
ржёт быт.

И верная клятва
забита кляпом.
И ты — распята,
и я — убит...
Сработал проклятый
киллер — быт.

Ключья

Русский ветер во мрак свистит.
Воет во мрак по-волчьи.
В ключья страну
разодрали псы.
И ветер разносит ключья.

А ключья —
свои, родные.
Отречься от них не спеши.
Затыкают
вселенские дыры
русские ключья души.

Слова

Люблю приколы балаганные.
Я свой стакан
не ставлю кверху дном.
Со мною
пьют слова

и гениальные,
и те,
что с трудовым горбом.

Попойка слов.
Объятия и признания.
И каждый тост звенящ и крут.
Уже под стол
свалились —
гениальные.

А те,
с горбами,
хрипло,
но поют.

Разговор поэта с женой

Послушай меня,
о женщина!
Я — гений,
бессмертью брат.
Носки мои
пахнут —
божественно.
Приказываю —
не стирать!

Пожар

Я помню,
как горел наш старый дом.
Трещали брёвна в лапиджах огня.
Кудлатый дым шатался
и столбом
таранил небо,
солнце накреняя.
— По-жа-а-а-р! —
И бабы охнули на поле.
И напрямик — к деревне
через лог

бежали с граблями,
не чуя боли
исколотых стернёю ног.
— По-жа-а-а-р!
И кони,
нервные до дрожи,
в буланой пене,
будто бы с мороза.

И громыхали
перекошенные дрожки
уже хмельного председателя
колхоза.
А дым клубил всё гуще,
всё черней.

— Чей дом горит? —
Лишь дым. Не видно дома.
Бежали все...
Но всё-таки
резвей

была сухая
старая солома.
О, как она вся разом занялась
да полыхнула
лютым плотным жаром!
У дома вишня листьями дрожала,
и охнула, и с пламенем слилась.
Старались мужики.
Хромой Митрошка
бросался в пекло,
к чёрту на рога.

Он так рубил стропила —
зло и мощно! —
Что деревянная
обуглилась нога.
Старались мужики в поту
багровом.
Да только зря.
Пожар сильнее был.
Вот если б вёдер больше
да багров бы!
Да что теперь уж...
Если б да кабы!
Уже огонь
шатал плечами сени
(их строил дед с весёлым
долотом).
И если бы звонарь,
был поусердней, —
дед прибежал бы с кладбища
с крестом.

Колесо

Брёл древний век.
Он спотыкался,
как поддатый.
И люди волочили за собой
следы.
Увидев колесо,

они
его создателя,
казнили слуру,
почесав зады.

Потом уж понимание пришло...
А по земле
по-детски доверительно
всё катится,
всё ищет колесо
дорожной пылию
ставшего родителя.

Цепь

Подсунула жизнь хитроумный
рецепт.
И просто,
без лишних слов
снял я с тебя
полуночную цепь
моих телефонных звонков.

Отрекись от тебя,
как от злой маеты.
Пусть привыкнут слова сиротеть.
Но полночь приходит,
полна глухоты.
И в ключья —
я рву рецепт...

Скрипят за окном дождевые оси.
Друг друга давно мы насытили.
В разные стороны нас относит.
Относит...
Ведь всё — относительно.

За счастьем ползут человеки-люди.
Тянутся, плачут, скулят, как рабы.
Гадают, болезные:
«Любит, не любит?»
Об стенку, об стенку — лбы.

Ворон — пророк, он устал уже
каркать,
он целится остро то в глаз, то в бровь.
Раскинет цыганка затёртые карты,
и мастью червонной проступит
любовь.

А речь у цыганки сочнее, чем
малина.
Цыганская речь, как трава, обовьёт.
Но включится вдруг
в моей сумке мобильник
и чуткую тайну нахально спугнёт.

С годами становлюсь всё резче.
Уже стою на грани риска.
Но глажу жизнь, как прежде,
против шерсти.
Люблю, когда потрескивают искры.

Но млечность женщины —
я глажу по-другому, —
как в нежной юности,
хоть волос поредел.
Скользит, скользит ладонь...
Спасибо Богу,
что сотворил
сиянья беспредел.

Когда сбросишь небрежно наряд
и приблизишься,
как язычица —
между нами
сверкнёт разряд
странный электричества.

Вспыхнет гроза простыней —
только друг друга тронь.
Ты скажешь, смеясь:
— Может быть, Прометей
так добывал огонь?

Ничего о тебе не знаю.
Но в радости и в тоске
я в тебе увязаю,
как в зыбучем песке.

Погружаюсь в слепящий зной.
Сохнут губы,
Стучит висок.
Но слаще воды живой —
любви
приворотный
песок.

Ложится и меркнет пламя,
если долго на пламя смотреть.
Давай мы его помянем.
Оно ведь старалось греть.

Ложится усталое пламя.
Пламя как будто знобит.
Давай мы его помянем.
Оно, верь, старалось любить...

Тени шатались плавно.
Был зоркий полночный час.
Мы —
поминали пламя.
Оно —
поминало нас.

В тебе я искал
первобытную свежесть,
первобытное тайное пламя
и нежность.

Бытия первобытную шкуру
я брошу под ноги любой,
если сверкнёт в прищуре
первобытная искра —
любовь.

Но порой
ты мне кажешься
жалкой калеккой.
Все слова твои, жесты
в петле интеллекта.

Похороним слова.
Похороним,
чтоб снова родиться,
первобытной искрой
перекреститься.

Василий Воронов

Его буйные очи, вольный чуб и шелковые чёрные усы впитали в себя и половецкую степь, и нравы донских атаманов. И упорство, изобретательность и ловкость первых поселенцев старинных Семикаракор. Он был рождён в среде мятежной, горячей и побеждающей. Казак станицы Семикаракорской, поэт Борис Куликов.

Он и шёл по жизни как победитель. Ставил перед собой самую высокую планку. Печатал стихи в самых престижных изданиях. Выдвигался на Государственную премию. Снимался в художественных фильмах «Емельян Пугачев» и «Мой ласковый и нежный зверь». Баллотировался в Верховный Совет России (недобрал буквально считанные голоса). Очень хотел получить орден за литературные заслуги, укорял власти: «... лишь поэт без ордена».

Придумал новый проект для получения вожделенного ордена: поэт на комбайне. Колхоз пошёл навстречу, дали Куликову почти новую «Ниву». Он загодя стал готовить машину. Всё проверил, заменил ремни, подшипники, смазку. Не позволял себе расслабиться, отказался от спиртного. Готов был сидеть за штурвалом по двадцать часов в сутки. И — рекорд, только рекорд! Он возьмёт свой орден!

Но, увы, увы... Видно крепко хранила судьба Бориса Куликова для поэзии, для литературы. По дороге от машинного двора до пшеничного поля поэт как-то рискованно вильнул и опрокинул комбайн в глубокий кювет. Ремонтировать покореженную машину не было смысла...

В июле 1983 года при моей встрече с Шолоховым, он поинтересовался, что слышно о Куликове. Я коротко рассказал — о новых публикациях поэта, о его актерском дебюте. О днях поэзии в Семикаракорях. Упомянул и о казусе с комбайном. Шолохов рассмеялся:

— Казак! Настоящий казак!

Вопрос Шолохова о Куликове не случаен. Великий писатель принял непосредственное участие в его судьбе. Анатолий Калинин рассказывал:

— Как-то ранним утром раздался звонок из Вешенской. — Толя, — слышу голос Шолохова. — Ты не знаешь молодого стихотворца по фамилии Куликов?

Я запомнил одну публикацию в молодежьней газете и сказал Шолохову об этом.

— Прислал мне большое письмо, целую тетрадку. Пишет из тюрьмы, попал за драку. По письму видно, парень талантливый...

Вскоре после этого в Пухляковский приехал сам Борис Куликов. Молодой, картинно живописный, радостный, возбужденный: «Папа, меня сам Шолохов заметил! Выручил меня!» С тех пор мы подружились, и я по-возможности всегда поддерживал его.

Куликов любил Калинина, считал его своим учителем. «Папа» — это от любви, от восторга.

Калинин своим аскетическим образом жизни стеснял Куликова. Не пил, не курил, был домоседом и однолюбом. Незримо обозначалась дистанция, красная черта, за которую мудрый старик не пускал не только Куликова, но и людей из более близкого окружения.

Куликов и Закруткин называл «папой», но более приземленно, по-простецки. Закруткин, принимая игру, окрестил его «подкидывшем». Вместе они могли выпить, горячо поговорить, всласть попеть казачьи и украинские песни, оба были замечательными «песельниками». Закруткин по-своему строго и ревниво следил за «подкидывшем», мог отчитать и выволочку устроить.

Оба «папы» были беспрекословными авторитетами для Бориса Куликова. В его бурной, полной приключений и драматизма жизни знаменитые земляки служили поэту нравственной опорой, мерилом совести и

человеческого достоинства. Куликов умел быть благодарным, он по-сыновьи почитал своих старших соседей-товарищей.

Борис Куликов не успел в полной мере реализовать себя как писатель. Тяжелая болезнь и ранняя смерть остановили полёт этого талантливого, жизнелюбивого и вольного человека. Но он создал свою неповторимую страницу в истории современной литературы. Его поэзия — это Семикаракоры, Донщина, родное пепелище, народная разговорная речь, казачья прямота и афористичность мысли. Его проза — это народные характеры, казаки, экстремальные жизненные ситуации, ярко выраженная нравственность, жажда любви и правды. Все эти качества характерны и для самого автора. Его книги — житие Куликова, им самим написанное.

Ему дано было сильно чувствовать и переживать, отчаянно любить и разочаровываться, заблуждаться и каяться. Он не знал середины. Или — или! При этом, не щадя живота своего. В его больших карих глазах мерцал антрацитовый блеск азарта, дерзости.

И он дерзал. В конце семидесятых Куликов проявил себя незаурядным публицистом. Его очерки о людях, о проблемах села печатались в областных и центральных газетах, в журналах и сборниках. В том числе и в главной газете страны — «Правде». В «Литературной России» Куликов печатает немислимую по тем временам критическую статью «Кто есть районщик». О стиле руководства и об ошибках первого секретаря Семикаракорского райкома КПСС, члена обкома. Куликов «стрелял» по штабам, по неприкасаемым, по району, где сам родился и жил. Где его жизнь зависела от районных властей. Такого в районе не было никогда!

Статья пошла по рукам, наделала шуму. Закруткин позвал Куликова и с порога прошипел:

— Ты что, очумел?!
— Папа...
— Беги из станицы! Беги на месяц, на два, на полгода! Ни я, ни Калинин... Даже Шолохов не поможет!

Туго пришлось Куликову. Он был вычеркнут из жизни района, перед ним закрылись двери всех учреждений, кроме милиции. Несколько раз его задерживали и он ночевал в кутузке. Друзья из отдела культуры избегали на людях здороваться с ним.

Долго продолжалась опала. Однажды утром Борис услышал новость по радио: «хозяина» сняли за приписки. Куликов рванул к Дону, прыгнул в плоскодонку. Через несколько минут он кричал под окнами Закруткина:

— Папа, дай микроскоп!
Закруткин вышел на крыльцо, позевывая.

— Чего орешь?
— Дай микроскоп, говорю!
— Зачем тебе, дураку, микроскоп?
— Где эта гнида, папа? Где член обкома?

ЖИТИЕ КУЛИКОВА

Эссе

ма? Дай разглядеть в микроскоп! Где член, папа? Покажи!

Закруткин принял новость спокойно:

— Давно к этому шло...

И прочитал Куликову нотацию, как вредно плевать против ветра. Позвал в беседку.

— Пойдем посидим, обсудим...

Я был в гостях у Бориса в начале восьмидесятых в качестве корреспондента газеты «Советская культура», готовил большую беседу с писателем под популярной рубрикой «Взгляд из провинции». Перед этим в газете прошли публикации с Калининским и Закруткиным.

Борис только что вселился в новый двухэтажный коттедж, подаренный районными властями. Это был знак признания земляками. Поэт был в расцвете сил, у него намечались большие планы. Работал с пяти утра и до обеда. Книжки выходили одна за другой. В издательстве «Правда» отдельной книгой вышла получившая всесоюзную известность повесть «Облава». Ростиздат выпустил однотомник прозы с предисловием Виталия Закруткина. В издательствах «Современник» и «Советская Россия» готовились к изданию книги стихов.

В самом разгаре шла работа над романом «Кондратий Булавин». Борис работал в архивах, читал, делал выписки из редких книг, исторических хроник. Я впервые увидел у него прижизненные издания трудов донских историков В.Д. Сухорукова, Е.П. Савельева, писателя и историка Дона Петра Краснова, одного из первых поэтов Дона Е. Кательникова.

Поэт, библиофил и знаток книги Борис Примеров был одним из близких друзей Куликова. Он говорил, что в Ростове только три-четыре частные библиотеки, по богатству и уникальности сопоставимые с библиотекой Куликова.

Борис показал мне свою библиотеку. Было чему удивиться. Кроме вышперечисленных раритетов здесь были собраны русская классика XVIII — XX веков, прижизненные издания Некрасова, Полонского, Блока, Маяковского, Есенина, донские и кубанские авторы прошлого века. Книги с автографами Владимира Солоухина, Михаила Дудина, Егора Исаева, Анатолия Пердерева, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Анатолия Парпары. Многих он знал лично, и многие приезжали в Семикаракоры.

Треть обширной библиотеки занимали мемуары и историческая литература, справочные издания.

Борис Куликов много читал, много думал, стремился не отстать, быть с веком наравне. Говорю об этом потому, что много слышал от «друзей» поэта только о застольях и кураже, о пьяных похождениях и приключениях.

Куликов не вписывался, ломал все привычные рамки представления о нём. Он равно и с жадностью общался с семикаракорским трактористом и с командующим Северо-Кавказским военным округом, с писателем Владимиром Солоухиным и

с начинающим стихотворцем Николаем Никоновым, с секретарем обкома и с кукурузоводом Горожаевой.

Тогда же в своей библиотеке на втором этаже Борис с горечью говорил о своих товарищах-ростовчанах:

— Наши братья-писатели невежественны, мало читают, мало знают. Посмотри на рифмы поэтов С. или К. Примитивно, убого. Словарный запас мизерный. Никакого понятия о культуре стиха! И нет желания учиться.

Общение с Куликовым не закончилось в его библиотеке. Поэт пригласил меня в станицу Новозолотовскую, где была намечена встреча с читателями-земляками, творческий вечер. Борис надел отутюженные светлые брюки с плетённым ремнем, белую нейлоновую рубашку с запонками, обулся в кожаные мокасины. Взял под мышку гармонь-двухрядку, сунул в карман томик стихов. В условленное время подъехал автоклуб.

Во дворце культуры собрались человек сто, и ещё подходили женщины с детьми, школьники, пожилые люди. Подошёл председатель сельсовета. Из Семикаракор, из отдела культуры, приехали две молодые женщины. Председатель сельсовета поднялся на сцену, сделал несколько объявлений о закупках молока у населения и предоставил слово Куликову. Борис стремительно вышел на середину сцены, поставил гармонь на столик и поднял руку:

— Здравствуйте, мои дорогие!

С этого мгновения я увидел другого Куликова и уже не мог оторвать глаз. Борис был статен, порывист, удал и прямота светились в глазах. Его голос, жесты завораживали внимание, он по-хозяйски брал в свои руки зал, незримо подчиняя его своему обаянию. Он был тамадой, заводилой, первым парнем...

Кто я такой?

Казак донской,

станицы Семикаракорской!

Он читал, говорил, как говорят в своей семье, среди своих, близких. И его слушали, как брата, как сына, как своего представителя в большой культуре. Борис понимал это, чувствовал поддержку и любовь земляков. Гордость светилась в его осанке, осознание силы в легком движении плеч.

Уверенно берёт в руки гармонь, пальцы бегут по клавишам.

Из-за Дона песню выведу,

По России поведу...

И — стремительный переплес:

Пели!

Пили

И хмелели

На веселье! В добрый час!

Чтобы каждый гордо понял,

На своей земле живем!

И — овация, рёв восторга. В моей памяти он и остался таким, на сцене, в станичном клубе. Молодым, в белой рубашке, с гармошкой. Грубоватый бас с хрипотцой:

— Здравствуйте, дорогие мои!

Земляки любили своего поэта. Гордились им.

...Хоронили Бориса Куликова морозным и снежным мартовским днем 1993 года. От районного Дворца культуры до кладбища гроб несли на руках. За гробом до самой могилы шли сотни людей. Среди них ростовчане, москвичи. Скорбели все Семикаракоры. Это были народные похороны. Борису было всего пятьдесят четыре года.

Сегодня в центре Семикаракор, рядом с Дворцом культуры на гранитной колонне стоит небольшой бюст поэта. Решением местных властей земляки увековечили память о своём певце.

ПОЛОЖЕНИЕ
об областном литературном конкурсе, посвящённом
75-летию Ростовской области
(Окончание)

3. Года рождения;
4. Кратких биографических сведений (не более 10 строк);
5. Домашнего адреса с почтовым индексом, контактного телефона, e-mail-а (при наличии);

Критерии оценки работ

1. Конкурсные работы шифруются оргкомитетом и предоставляются для оценки жюри в обезличенном виде.
2. Работы рассматриваются и оцениваются жюри конкурса по пятибалльной системе в каждой номинации отдельно. Сумма баллов даёт общую оценку работы конкурсанта, которая и определяет результат его участия в конкурсе.
3. Основные критерии оценки:
 - а) соответствие идее конкурса;
 - б) соответствие формы и содержания;
 - в) уровень раскрытия темы;
 - г) высокий художественный уровень и общественно-политическое значение произведения.

Сроки приёма произведений и подведения итогов

1. Конкурсные произведения принимаются с 1 апреля до 15 июля 2012 года.
2. Жюри рассматривает работы с 15 июля по 31 августа 2012 года.
3. Заявки и творческие работы, поданные в сверхустановленные сроки, не рассматриваются.
4. Подведение итогов и награждение победителей – в сентябре 2012 года на литературном празднике, посвящённом 75-летию Ростовской области.

Жюри конкурса

В состав жюри конкурса входят профессиональные писатели, члены Ростовского регионального отделения Союза писателей России, работники культуры Ростовской области. Состав жюри до подведения итогов конкурса не публикуется.

Награждение победителей

В каждой номинации присуждаются 1-е, 2-е и 3-е места. Конкурсантам, занявшим первые места, присваивается звание «Лауреат конкурса». Конкурсантам, занявшим вторые и третьи места, присваивается звание «Дипломант конкурса». Победители конкурса награждаются: за 1-е место в каждой номинации – денежная премия, диплом I степени РРО СП России, Почётная грамота МК РО, памятный приз; за 2-е место в каждой номинации – диплом II степени РРО СП России, Почётная грамота МК РО, памятный приз; за 3-е место в каждой номинации – диплом III степени РРО СП России, Почётная грамота МК РО, памятный приз; Произведения победителей будут опубликованы в альманахе «Дон и Кубань» и газете «Донской писатель», в итоговом сборнике конкурса. Ростовский областной общественный фонд содействия развитию культуры чтения и пропаганды книги и МБУК «Ростовская-на-Дону городская ЦБС» учреждают по одному специальному призу в каждой номинации на тему: «Мегаполис Ростов». Соорганизаторы и спонсоры могут учреждать в рамках конкурса свои призы и премии. Литераторы, работы которых вошли в десятку лучших работ в каждой номинации получают право на вступление в «Ассоциацию литераторов при Ростовском региональном отделении Союза писателей России».

Алина Золотько Живой пример мужества и героизма

(Окончание)

го на четыре странички, это была газета, ставшая предметом её постоянных забот, тревог и радости, смыслом жизни.

В июле 1942 года в составе выездной редакции газеты «Молот» Елена Ширман выехала в один из районов области. В посёлке Ремонтное она была схвачена гитлеровцами. Немцы люто её ненавидели и смогли дать волю своей злобе. На её глазах гитлеровцы расстреляли отца и мать, приказали ей самой вырыть им могилу. На следующий день погибла и сама поэтесса.

Вместе с другими узниками её вывезли из гестаповской тюрьмы в набитом до отказа грузовике. Громко плакали женщины, дети. На лицах – испуг, отчаяние. И тут раздался голос Елены: «Перестаньте кричать, не плачьте! Поймите, нас не на сборный пункт везут, а на расстрел. Надо и умереть с достоинством, по-человечески!» Рыдания стали утихать. А Елена продолжала: «Посмотрите, какой день чудесный! Какое небо! Какое солнышко! Лучше умирать в такой день». И ещё многое говорила она, не переставая улыбаться. И эта её улыбка действовала на людей неотразимо. А затем вдруг повернулась к полицаям и, всё с той же улыбкой, бросила ему в лицо: «Что, расстреливать ведёшь? А стрелять-то умеешь? Смотри, не промахнись!» Первая автоматная очередь ударила её по ногам. Словно подкошенная, упала на землю. Ни крика, ни стоны. Новая очередь навсегда остановила её сердце.

Она была казнена фашистскими палачами беззащитная, безоружная. Её оружием в тот трагический миг была сила духа, воля, презрение к смерти. Илья Сельвинский в послесловии книги «Жить!» написал: «Я преклоняюсь перед героизмом Елены, она погибла, не унижив страхом ни себя, ни Родины...» С этим нельзя не согласиться...

Вот таким человеком была Елена Ширман, самая великая женщина, о которой я когда-либо слышала, ставшая для меня живым примером мужества и героизма. Каждый вечер, подводя итог прожитому дню

и делая записи в своем дневнике, я смотрю на фотографию Елены, прошу у неё совета, говорю с ней её же стихами:

*Я думать о тебе люблю,
Когда роса на листьях родеет,
Закат сквозь сосны холодеет
И невесомый, как идея,
Туман над речкою седеет.
Я думать о тебе люблю...*

И что удивительно: она не молчит. Её глаза становятся тёплыми и кроткими, если она одобряет мои поступки, искрятся смехом, если рассказываю весёлую историю. А если я, к великому сожалению, оступилась и сделала что-то не так, взгляд Елены становится сумрачным и тяжёлым.

Десятки раз я мысленно оглядываюсь и на собственную жизнь. Что в ней было достойного, заслуживающего уважения окружающих? Что я уже успела в свои 15 лет отдать людям, отдать самоотверженно, без тайного расчёта на славу?..

Иногда же мне хочется просто посмотреть на фотографию и помолчать. Давайте и все мы:

*Помолчим над памятью друзей,
Тех, кого мы больше не услышим,
Не увидим тех, кто жизнью всей
Вместе с нами в мир грядущий вышел.
Помолчим не потому, что нам
Нечего сказать об уходящих...
Мы их назовём по именам,
Как живых, живущих настоящим!
Помолчим, чтобы сказать о них
Не холодным, равнодушным словом,
Чтоб они воскресли хоть на миг
Всем звучаньем голоса живого!¹*

¹ Браун Н. К. Вершине века: Стихотворения / Сост. М.И. Комиссаровой - Браун; вступ. статья Г. Филиппова; оформ. худож. А. Векслер. – Л.: Худож. лит., 1982, стр. 254.

Михаил Астапенко

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОССИИ

(Окончание)

Наполеона торопливо построила каре вокруг шатра императора.

Лагерь французов мало походил на стан победителей, каким объявил свои войска Наполеон. Солдаты великой армии провели холодную ночь без огня, посреди павших соратников, терпя недостаток в пище и постоянно тревожимые казаками Платова.

Вспоминая ту жуткую ночь, офицер корпуса Евгения Богарне Цезарь Ложье писал: «Бородино. 8 сентября (нового стиля. – М.А.). Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на нашу бережливость, весь провиант до последней крохи, мы остались без продовольствия, нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кинулись, чтобы избежать резни, запружена трупами, вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнуренные мы не можем им помочь. Наконец, погода, прекрасная в течение всего дня, с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня; его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не оставалось другого средства от страданий, как согреться! ...Какое грустное зрелище представляло поле битвы! Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравнится по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна; она теперь больше походит на авангард. Решительно ни на одном поле сражения я не видел до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни помотришь, везде трупы людей, лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи покинутого оружия, то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома. Огромная площадь трех редутов взрыта ядрами, на ней виднеются тела, оторванные части тела, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребенными на дне трупами... В некоторых местах битва была столь ожесточенной, что трупы нагромождены там кучами. ...Пасмур-

ное небо гармонирует с полем битвы. Идет мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер, и тяжелые черные тучи тянутся за горизонт. Всюду угрюмое уныние».⁴

Цезарю Ложье вторит Сегюр: «Безмолвные бивуаки, ни пения, ни говора; даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и раненых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые говорят о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отошел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение какого-то поля битвы? Контуженный русский раненый встает и идет к своим, и никто его не останавливает».⁵

Наполеон, отступив от Бородина и Шевардина к деревне Валуево, в ярости продиктовал приказ: «Французы! Вы разбиты! Вы позволили покрыть себя бесчестьем и позором! Только одной русской кровью можете вы смыть это пятно! Через два дня я вновь дам сражение, еще более кровопролитное, чем то, что было вчера; пусть погибнут в нем трусы, я хочу командовать только храбрыми».⁶ Много лет спустя после Бородинского сражения, уже находясь в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одерживать победу, а русские стяжали право считаться непобедимыми».

¹Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. С.84-85.
²Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. СПб., 1840. С.238.
³Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. с.341.
⁴Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии. М., 1912. С.149, 150, 151.
⁵Цит. по: Брагин М. Полководец Кутузов. С.126-127.
⁶Балтийский А. Бородино: Путеводитель. М., 1912.

Праздники, которые всегда с нами

Среди всемирных праздников есть праздники, связанные с писательским трудом, литературным творчеством, языком, на котором мы творим. Это Всемирный день писателя и Всемирный день поэзии (оба празднуются в марте), Всемирный день книги и авторского права, отмечаемый 23 апреля, Международный день переводчика (30 сентября), Международный день родного языка, который по инициативе ЮНЕСКО отмечается мировым сообществом 21 февраля, и другие.

Из опыта общения с авторами современной прозы и поэзии я смогла сделать вывод, что многие сочинители не знают о писательских праздниках. И захотелось рассказать о них собратям по перу с Донщины, основываясь на данных взятых из Интернета и календарей праздничных и знаменательных дат.

Всемирный день писателя отмечается 3 марта – по решению 48-го конгресса Международного ПЕН-клуба, состоявшегося 12-18 января 1986 года. ПЕН-клуб (P.E.N. International) – международное объединение писателей. Название его составлено из первых букв английских слов Poets (поэты), Playwrights (драматурги), Essayists (эссеисты, очеркисты), Novelists (романисты). Целью организации является содействие творческому сотрудничеству писателей всего мира.

21 марта отмечается Всемирный день поэзии. Он был учрежден делегатами 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1999 году. Первый Всемирный день поэзии прошел 21 марта 2000 года в Париже. «Поэзия, – говорится в решении ЮНЕСКО, – может стать ответом на самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека, но для этого необходимо привлечь к ней как можно более широкое общественное внимание. Кроме того, Всемирный день поэзии должен дать возможность шире заявить о себе... издательствам, чьими усилиями, в основном, доходит до читателей творчество современных поэтов, литературным клубам, возрождающим извечную традицию живого звучащего поэтического слова». Этот день, считает ЮНЕСКО, призван послужить созданию в средствах массовой информации и в обществе позитивного образа поэзии как подлинно современного искусства, открытого людям.

Важно отметить также то, что одной из основных целей празднования Всемирного дня поэзии является и поощрение языкового разнообразия и поддержка языков посредством поэзии. Кроме того, естественно, этот день призван содействовать развитию самой поэзии, возвращению к устойчивой традиции поэтических чтений, совершенствованию преподавания поэзии, восстановлению диалога между поэзией и другими видами искусства. ЮНЕСКО в своих документах и обращениях предлагает государствам-членам принимать активное участие в праздновании этих дней как на общенациональном, так и на местном уровне при активном участии государственных и частных учреждений.

Литература – важнейшая, первейшая составная часть художественной культуры того или иного народа, его духовного и культурного наследия. Надо возродить в речевом обиходе забываемое словосочетание «Литература и искусство», под которым и подразумевается **вся художественная культура** – человечества или отдельной нации. Словесное, поэтическое искусство – это такой же равноправный, как и остальные, вид искусства. Надо признать нелепость фразы «Искусство и культура», так как во втором, более широком понятии предполагается и первое. Под словом «культура» ныне стала пониматься лишь культурно-массовая работа в ее концертно-театрально-выставочных формах. Нет сомнения, она важна, привлекательна своей яркостью, доступностью населению, она в поле зрения СМИ, чего не скажешь о литературе, чьи представители столь редко появляются в телекадре, читают стихи в радиоэфире...

Поздравляя всех писателей Дона с отмечаемыми в марте Всемирным днём писателя и Всемирным днём поэзии, желаю всем благоволения Божьего, вдохновения, новых стихов и поэм, новелл и очерков, повестей и романов, новых книг, творческих достижений, открытий новых имен, доброго здоровья, счастья, весеннего солнца!.. Бог в помощь вам, друзья-поэты, все писатели Донщины!
Княрик Хартавакян, член СП России, ч. Чалтырь.

К 80-летию со дня рождения Павла Шестакова

Николай Скрёбов СУДЬБА И КНИГИ

В 1987 году в издательстве «Советская энциклопедия» вышел «Литературный энциклопедический словарь», в котором Дон был представлен пятью именами: Виталий Закруткин, Анатолий Калинин, Владимир Фоменко, Павел Шестаков, Михаил Шолохов.

В статье «Детективная литература» составители словаря поставили ростовчанина Шестакова в один ряд с Аркадием Адамовым, братьями Вайнерами, Юлианом Семёновым и другими известными мастерами жанра.

К тому времени Павел Александрович Шестаков был автором семи повестей и романа «Взрыв», за который получил премию и серебряную медаль имени разведчика Николая Кузнецова.

Не много можно назвать писателей Дона, чьи ранние произведения привлекли внимание кинематографистов. По второй повести Шестакова «Страх высоты» (Ростиздат, 1969) режиссёр Александр Сурин снял на «Мосфильме» одноимённую картину, пригласив к участию в ней Анатолия Папанова, Андрея Мягкова, Ирину Мирошниченко, Владимира Зельдина, других блестящих мастеров сцены и экрана.

Зарубежные издания книг донских писателей были также сравнительно редкими. В этом ряду пальма первенства всегда принадлежала Шолохову, в послевоенные годы переводились и выходили за рубежом книги Ивана Василенко, Виталия Закруткина, Бориса Изюмского, Анатолия Калинина, Михаила Соколова, Владимира Фоменко, в 70-х годах и позднее – Виталия Семёнова (к сожалению, посмертно), Игоря Бондаренко, Данила Корещкого и немногих других.

Уже первая повесть Шестакова «Через лабиринт» вскоре после русского издания вышла в переводах на чешский, словацкий, болгарский языки. Затем в Праге, Варшаве, столицах других восточноевропейских стран вышли «Страх высоты», «Давняя история», «Три дня в Дагезане»... Всего в переводах на языки наших западных соседей было издано 23 книги Павла Шестакова. Сейчас они в фондах библиотек десяти стран Европы.

Преодолевая тяжёлую болезнь сердца, Павел Шестаков работал много и плодотворно. Единственный из донских писателей, он написал о смутном времени на Руси («Самозванец»), о Гоголе («Между днём и ночью»), ему удалось дописать остросовременный роман «Смерть в ассортименте», в котором закоренелый преступник метит в новые «хозяйства жизни»...

Незавершённой осталась книга, работа над которой была долгой, желанной и мучительной для писателя. Читатель может судить о ней по фрагментам и главам, опубликованным в журналах «Ковчег», «Дон», «Донское слово». Этот многоплановый роман, получивший название «Неизбежность», был задуман как семейная хроника, охватывающая события в диапазоне от первой мировой войны до разгара войны «холодной».

Если бы Павлу Шестакову хватило сил и времени воплотить замысел романа, читателю открылись бы в художественной полноте

перипетии судеб самого писателя и каждого из людей, влиявших на его творческое становление.

Колыбель его рода по материнской линии – хутор Таловка нынешнего Боковского района. Оттуда его дед с дочерью и тремя сыновьями перебрался в Ростов. Семью содержал старший сын Кирилл. Искусный краснодеревщик, он помог братьям и сестре стать на ноги, получить образование. Федор потом стал дипломатом, Александр инженером, а Мария по окончании гимназии – учительницей. Мария Павловна преподавала русский язык и литературу, она и была матерью будущего писателя.

Отец Павла Шестакова Александр Прокофьевич происходил из мелкопоместных тамбовских дворян. Он был уже немолодым человеком, когда началась война. Отправив жену и сына в Таловку, он поступил в Ростовский полк народного ополчения и 28 ноября 1941 года при первом освобождении города от фашистских захватчиков погиб.

Судьба Павла сложилась так, что кроме оккупации в дедовском хуторе пришлось пережить и эвакуационные невзгоды в суровой Курганской области, и провести первые послевоенные годы в Канаде, где мать преподавала в школе при советском посольстве. Завершил он учебу в Ростове – в 49-й школе и на историко-филологическом факультете РГУ.

Получив назначение, он преподавал историю в небольшом украинском городе Первомайске, потом, вернувшись в родной город, работал в областном музее краеведения, в Ростиздате, в журнале «Дон», был собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Ростовской области.

С 1967 года издаются остросюжетные произведения П.Шестакова – это повести, объединенные общим героем, следовательно Игорем Мазиним: «Через лабиринт», «Страх высоты», «Игра против всех», «Три дня в Дагезане», «Давняя история», «Репорт инспектора», «Остановка», «Он был прав», романы «Взрыв», «Омут», «Клад», «Вертеп», «Смерть в ассортименте».

Перу Павла Шестакова принадлежат и повести не детективного жанра – это «Дождь-городок», «Всего четверть века», «Туда и обратно». В первой читатель оказывается в мире сложных чувств, переживаемых молодым учителем при соприкосновении с косностью нормативной педагогики. Во второй – становится свидетелем драматических перемен, происходящих в среде друзей от одной новогодней встречи до другой, третьей, четвертой на протяжении 25 лет. А третья своим сюжетом вовлекает героя в такую фантастическую ситуацию, что несколькими словами об этом не скажешь...

«Книга должна быть интересной», – любил повторять Павел Шестаков. Это стало девизом его творчества. И неотступно верным девизом он был 34 года – ровно половину из отпущенных ему судьбой 68 лет.

Презентации: О Серебряном веке русской литературы

21 февраля 2012 года в Донской публичной библиотеке состоялась презентация книги «Русская литература. Серебряный век», выпущенной издательством ЮФУ. Автор – доктор филологических наук, член Союза писателей России Людмила Николаевна Малюкова. В гостинной ДГПБ собрались студенты, преподаватели, писатели и просто любители русской словесности, чтобы познакомиться с первым вузовским учебником по русской литературе, написанным донским автором и вышедшим на Дону.

В своём выступлении Л.Н.Малюкова познакомила собравшихся с содержанием и проблематикой своего труда, создававшегося на протяжении более чем двух лет (не считая периода сбора материала). В начале работы она поставила перед собой несколько задач, реализация которых должна была отличать будущее издание от множества других учебных пособий, освещающих период Серебряного века русской литературы:

- расставить правильные, по мнению Л.Н.Малюковой, акценты в периодизации литературы Серебряного века;
- «протянуть» идею русского характера, русского менталитета в литературе данного периода;
- выявить оригинальность и многообразие художественного мира писателей, творчество которых анализируется в учебнике;
- на основе подробнейшего изучения и анализа историко-архивных документов объективно показать личность каждого писателя, освободив её как от идеологизированных характеристик советского литературоведения, так и от не всегда достоверных сведений «перестроечного» периода;
- наконец, впервые во всей полноте осветить личность такого своеобразного донского автора, как Фёдор Крюков, писателя, смотревшего на казачье сословие не со стороны, как многие литераторы, а из самой гущи народной.

В книге есть собственная чёткая авторская концепция, дающая философскую оценку сложной эпохи первой четверти XX века, когда страна пошла по новому пути.

Учебник задумывался в трёх частях. Вышедшее издание – первая часть учебной трилогии. Людмила Николаевна предполагает до конца нынешнего года завершить труд о литературе Русского зарубежья, а далее написать о советском периоде русской литературы XX века.

Присутствовавшие на презентации писатели, литераторы, работники библиотеки поздравили Людмилу Николаевну Малюкову с выходом новой книги и выразили надежду, что этим нужным пособием пополнится наша библиотека РРО СП России и Литературного фонда.

Ирина Сазонова, член СП России

Четвёртое время поэта

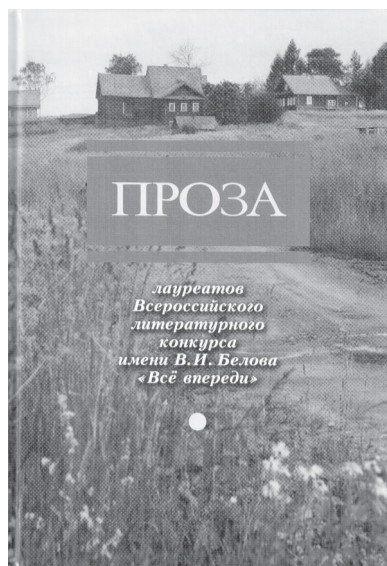
18 марта 2012 года в литературной гостинной Донской публичной библиотеки состоялось знакомство любителей поэзии – писателей, литераторов и читателей – с новой книгой стихов известного донского поэта Игоря Кудрявцева «Четвёртое время». На встрече было много тёплых слов в адрес поэта, много стихов, которые читал сам Игорь Кудрявцев и присутствующие в зале его ученики, были песни Ларисы Лаухиной и Вячеслава Малежика на стихи автора. Экспромтом прочитал свои стихи-посвящение презентатору Николай Скрёбов:

*В поэзии грех многогословья видней
Нечёсаных локонов или кудрей.
Поэт, не избежав унылых длиннот,
Беднягу читателя вводит в цейтнот.
Красотами лишними часто грешат
Кудряшки причёсанных наших стишат,
И во избежанье всех этих грехов,
Кудрявцев не пишет кудрявых стихов.*

В конце встречи Игорь Кудрявцев подарил свои книги с автографами всем желающим.

*Есть Божий день. Есть кров
и пища.
Есть грех людской. Есть
пепелище.
Есть мир под неводом границ,
Где выхожу я из жилища
С разменной мелочью – для
нищих
И хлебной россыпью – для
птиц.*

ЛАУРЕАТАМИ Всероссийского литературного конкурса имени Василия Белова 2011 года стали член Ростовского РО Литфонда России, член СП России Виктор Лихоносов (роман-хроника «Русская скорбь») и член РРО СП России Геннадий Селигенин (повесть «Крестники»). Произведения лауреатов опубликованы в итоговом сборнике конкурса «Проза».

3 марта 2012 года писатели Ростовского регионального отделения Союза писателей России на совместном заседании секций поэзии, прозы и правления отделения обсуждали вопросы рекомендации литераторов на приём в члены Союза писателей России на очередном приёмном собрании в мае этого года. Рассматривались семь кандидатур. Первой, в силу алфавитного порядка рассмотрения, была поэтесса из г. Белая Калитва Татьяна Данилова. Этот мало знакомый для многих присутствующих писателей поэт, неожиданно оказался для многих же хорошо знакомым — они вспомнили Татьяну Долгопяткову, известную в

На кончике пера, дыша — дыша...
Душа — дыша,
смеясь и плача.
На кончике пера
одна пора:
Любовь,
что больше жизни значит!

Пожалей!.. Мне не надо жалости:
Я и сильных порой сильней.
Не хватает лишь глупой малости. —
Подари её: *пожалей!*

Никогда меня жалкой не видел,
Чересчур я была горда.
Пожалей, хоть никто не обидел...
Не жалели меня никогда.

Зачем ты снишься?..
Когда любил — плющом обвил,
Оставил нищей.
Жить научилась без любви. —
Зачем ты снишься?..

Я б — не пустила на порог!
Сны — не во власти.
Слепая радость как ожог —
Ожог от счастья.

Знать не желаю наперёд,
Где явь, где небыль...

«Светлые следы» Валерия Калмацуя

На земле хочу оставить
Только светлые следы.

В. Калмацуя.

Бывают поэты, чьи лирические сборники становятся открытием для читателей. Их ждут, потому что они привлекают художественностью языка, образностью, искренностью и простотой.

К таким поэтам относится Валерий Калмацуя. Его новый сборник «Светлые следы», вышедший в издательстве Литературного фонда России «Донской писатель», отличается тем, что автор рисует дорогие сердцу картины природы и говорит о безмерной любви к ней. Перед мысленным взглядом читателя возникает донская природа в разные времена года.

Символично, что сборник «Светлые следы» вышел в преддверии весны. Видно, весна — любимая

пора В. Калмацуя, поэтому в разделе сборника «Первым зелёным побегом» он с особым настроением восклицает:

Ну и пусть хоть допоздна
Голосят, звенят, стучат...
Пишется легко, а значит,
Что «виновница» — весна!

(«Виновница»)

Следует отметить художественные образы, которые использует Валерий Калмацуя, описывая наступление весны: «всюду прут и лезут травы», «ручейки вовсю бренчат», «старый дуб угрюмый вдруг расправил плечи и надумал зеленеть», «летит прямо в сердце пряным духом ветерок» (стихотворение «Гром резвится»).

Весну поэт называет «порой большого ожидания»:

«Цвети, весна! Она для всех
Пора большого ожидания».
(«Старый сад»)

И до рассвета всей душою
Песнь слушал звонкого ручья...
Любовь была такой большою, —
её с весною спутал я!

(«Однажды в мае»)

Природа у поэта В. Калмацуя в стихотворениях «Вестники тепла», «Их нет еще», «Будет весна», «Был месяц май», «Тучка-невеличка» многоцветна и многокрасочна. Она играет и переливается всеми цветами радуги, красочными эпитетами. Поэт пользуется ими мастерски.

Хочу поздравить Валерия Калмацуя с новыми «Светлыми следами» в его поэзии и пожелать дальнейших творческих удач.

Владимир Панфёров, г. Шахты

Выплеснуть себя... Татьяна Данилова (Долгопятова), г. Белая Калитва

литературных кругах ростовчанку, участницу заозёрной школы Геннадия Жукова, автора областных газет и журнала «Дон» восьмидесяти годов, поэтического сборника «Половодье», вышедшего в 1984 году в Ростовском книжном издательстве, которая, выйдя замуж, сменила фамилию и уехала на жительство в Белую Калитву.

Обсуждение было недолгим, и все

Пусть камнем из-под ног уйдёт
Седьмое небо!

Допью до дна смертельный яд
Высокой страсти,
Я за тобой бросаюсь в ад
На крыльях счастья...

Я в каждом сне к тебе лечу
На пепелище.
Я просыпаться не хочу...
Зачем ты снишься?..

Всем, даже воздухом был!
Солнцем, слепящим меня...
Ты в каждый день входил
Раньше начала дня.

Шла я к тебе — домой:
Ты меня сотворил!
Голос негромкий твой
Жарко звучал в крови...

Счастьем без меры был.
Был даже больше, чем — всем!
...Как ты сейчас — один?
Я без тебя — зачем?..

Семь понедельников — семь! — на неделе,
Дни — тяжелее нет.
Не отступили, не пожалели
Семь безответных бед!

двадцать один писатель, присутствовавший на заседании, единодушно признали в Татьяне Даниловой зрелого поэта и рекомендовали к приёму на собрании.

Через неделю мы получили печальную весть: Татьяна Данилова скоропостижно ушла из жизни, ушла в расцвете творческих сил, творческих возможностей. В память о Татьяне Семь каждодневных, наотмашь, ударов...

День, и ожогом — боль.
Нет, ничего не проходит даром,
Даже сама любовь.

Семижды семь!.. Ложь —
за глыбою глыба.
Это всегда к беде.
Воздух сухой хватаю, как рыба
В непримиримой среде.

Числа чужие... Чужие мне лица...
Но чтобы ты — чужой?!
Как разорваться могли, раздвоиться —
Разгородиться межой?..

Погрешности диеты

Плакать мне или смеяться,
Подскажи? —
На тарелке за рупь двадцать
Грех лежит!
Грех не свальный, а обвальный,
В сухарях.
Отбивной, многострадальный —
Чудо!.. Ах!

Отбивная вводит в грех...
Завтра — слёзы. Нынче — смех.

Скажу только: «Здравствуй,
судьба-неулыба!»
И мы разминёмся студёным
рассветом. —

Даниловой (Долгопятовой) газета «Донской писатель» публикует этот некролог и небольшую подборку стихов из её последнего поэтического сборника «Счастье не спит». Случайная встреча... Слова, что могли бы Мы все изменить сарафановым летом...

Ты мне просто так пожелаешь удачи,
Посмотришь в глаза равнодушной
и проще.
Я — только потом, чтоб не видел, —
заплачу.

А ты, чтоб не видела, вслед
засмеёшься...

Сердце, как ласточку, влёт
Сбили, спустили с высот —
Вниз...
А сказали, что *в жизнь*...

Выплеснуть себя!.. Из глубин.
Из неведомых глубин.
Выброситься к тем, кто любит,
Кто так бережно любим.

Вот я вся! — Что есть и было.
Вперемешку свет и тень...
Ничего не утаила
Про запас на чёрный день!

Чем богата, тем и рада.
Что имела — раздала.
Мне самой *немного* надо:
Только бы нужна была.

С днем рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших товарищей, писателей, членов Союза писателей России, Союза российских писателей и Литфонда, родившихся в первом месяце весны:

Лукьянченко Олега Алексеевича (13.03.1948);

Кравченко Александра Александровича (14.03.1955);

Чеботникова Виктора Ивановича (17.03.1935);

Волошинову Любовь Феоктистовну (19.03.1952);

Калмацуя Валерия Дмитриевича (28.03.1935);

Сущего Сергея Яковлевича (30.03.1960).

Желаем радостного весеннего обновления, свежих лирических чувств, несокрушимого здоровья, прилива творческих сил!

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

85 лет со дня рождения:

Харченко Рудольф Николаевич, поэт, член СП СССР. (19.03.1927 — 1988).

80 лет со дня рождения:

Шестаков Павел Александрович, прозаик, член СП СССР. (21.03.1932 — 22.07.2000).

Памяти Л.П. Логашовой

На 75-м году жизни скоропостижно скончалась Людмила Павловна Логашова. Донские писатели и журналисты старшего поколения помнят её как редактора общественно-политической, детской, художественной литературы Ростовского книжного издательства.

Последние два десятилетия своей деятельности Людмила Павловна посвятила служению Русской православной церкви — редактировала «Церковный вестник», заведовала канцелярией Ростовского епархиального управления.

Внимательное отношение к авторам, забота о творческом росте молодых литераторов, доброта, отзывчивость, обаяние Л.П. Логашовой оставили светлый след в памяти многих знавших её людей.

Редколлегия газеты «ДП» выражает глубокое соболезнование родным, близким и друзьям покойной.

Официально:

Правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России сообщает, что приём писателей и литераторов по всем вопросам с 1 марта 2012 года будет проходить еженедельно по вторникам и субботам с 11 до 14 часов в помещении Союза писателей по адресу: Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
ДОНСКОЙ
ПИСАТЕЛЬ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

редактор **Алексей Береговой**
над выпуском работали:
корректор **Е. Симонова**
верстка **И. Зубковой**
художник **Н. Коновалова**

Номер подписан в печать 29.03.2012 г. Тираж 990 экз
Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)262-03-88; т. 262-08-12; 8-918-599-67-51
beregovoy@ctsnet.ru /// donpisatel@yandex.ru
распространяется бесплатно

Общественная редакционная коллегия:

М. Астапенко Т. Аксенова А. Береговой
Н. Бусленко В. Воронов А. Глазунов
Л. Дьяков Л. Малюкова А. Можаяев
А. Попова И. Сазонова Н. Скребов
Г. Студеникина В. Чеботников В. Шостко

Номера газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочитать на сайте: www.donlib.ru